

К.Ф.Завершинский

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Гуманитарный институт НовГУ

The political cultural heritage of Veliky Novgorod is rather actual sphere of scientific studies, which demonstrate that the scholars use various approaches for understanding the theoretical bases of this phenomenon. In this connection cognitive opportunities of the heritage of Veliky Novgorod in the context of correlation of historic facts with the peculiarities of temporal structures of social memory are discussed.

Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание.

Августин. Исповедь. 11, XX, 26.

— Как вы полагаете: когда и зачем построили храм Святой Софии в Новгороде?

— Не знаю, я не местный...

Из диалога преподавателя НовГУ и студента, уроженца Новгородской области.

В лето 6497. ...и в то время вшедь бяше бесъ [въ] Перуна... и винуша и в Волховъ... Онъ же плаваше всквозе великий мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и ныне безумнее уби[ва]ющиеся, утеху творять бесомъ.

Новгородские летописи.

При первом приближении социальная и научная актуальность изучения культурного наследия Великого Новгорода очевидна, поэтому интерес к методологическим проблемам «концептуализации», способам и особенностям теоретического осмысления событий «новгородского прошлого» может показаться излишне «академичным» и даже «схоластичным». Тематика «новгородики» весьма содержательно представлена работами отечественных и зарубежных историков, этнографов, искусствоведов и филологов, не иссякает поток конференций и грантов в этой предметной области. Не обойдена вниманием проблематика значения культуры средневекового Новгорода в современном художественном творчестве и риторике российских политиков.

Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении, социальная *действенность* интеллектуальной продукции и художественных образов, связанных с освоением культурного наследия Великого Новгорода, его «присутствием» в современной *социальной памяти* российского общества весьма проблематична. Обозначенный еще блаж. Августином феномен *явленности прошедшего в настоящем*, который предопределяет, пользуясь «гамлетовской» метафорой, «распад» и «связь времен», от чего зависит осмысленность и направленность социальной эволюции, весьма актуализировалась в реалиях современного российского общества. Мифическая «палица Перуна», не ведающая «времени» и цивилизационных самоограничений (*согласия*), вновь ожила, как это уже нередко бывало в нашей истории, и «бродит» по России, сея смуту и раздоры.

С момента вступления России в стадию «исторической империи» (появления представлений об уни-

кальной своей цивилизационной миссии), проявившемся, в частности, в формировании потребности осознанного накопления и хранения *знаний о прошлом*, отсылка к символическому наследию древнего Новгорода всегда играла весьма важную роль в обеспечении «связи времен». Подобного рода символическая значимость «новгородской древности», представленной мифологемами об истоках и особенностях зарождения и становления российской государственности, внесла «стрелу времени» в коллективную память локальных этносов. Она же стимулировала со временем появление систематических исторических исследований средневековой культуры Новгорода и «включенности» ученых-гуманитариев в формирование культуры исторической памяти общества.

В последние десятилетия, под влиянием произошедших геополитических разломов, в гуманитарном сознании место эпической гордости «потомков Рюриковичей и славянских древностей», легенд о «новгородских вольностях» или особой мистической насыщенности новгородской иконописи все чаще замещается продуцируемой *современной* интеллигенцией *ностальгией* по утраченному «духовному наследию» *Русской идеи*. Эрозию «духовных истоков» чаще всего связывают с «разрушительным действием массовой западной культуры» и «идеологической безответственностью», *непатриотичностью* политических или интеллектуальных элит. Но, как известно, количество слов и эпитетов, сказанных по поводу «любви к отечеству», или борьба с «чуждыми влияниями» и восстановление старых памятников на месте новых, отнюдь не всегда ведет к росту социальной значимости «любви к родному пепелищу и отеческим грабам». «Охранительные» ценностные установки и

действия не помогут, если «духовность» утрачивает потенциал трансформации в культурные формы и действенного присутствия в современности. Традиционные способы «ориентации во времени», возникшие еще в период существования России как «исторической империи», не позволяют «укорениться в современности», что и актуализирует изучение процесса конструирования новой шкалы «измерения исторического времени» и сопутствующих этому способов и методов упорядочивания фактов и событий истории.

Нельзя не заметить того хаоса, который присутствует в общественном сознании, и в научном в частности, по поводу «исторических векторов» развития России и способов интерпретации событий политической истории. Диалог автора статьи со студентом, вынесенный в эпиграф, не видится чем-то из ряда вон выходящим. Как это ни покажется странным, «темпоральные» позиции российского «профана» из глубинки и «ностальгирующего интеллигента» могут быть не столь уж отличны, хотя существенно разнятся степенью информированности о «духовном наследии».

Современные способы циркуляции знаний и образов в массовом сознании могут не только разрушать и упрощать историческое мировоззрение, но и творить его, привнося в коллективную жизнь социальную осмысленность и ответственность не только перед прошлым, но и перед настоящим. Автору статьи созвучны идеи тех современных обществоведов, которые полагают, что «культура не постигает себя как лучшая из всех возможностей» а является «памятью общества, т.е. оказывается фильтром забвения/запоминания и «задействования» прошлого, для определения рамок варьирования будущего», «дирижирует возможностями сравнения и тем самым одновременно искривляет взгляд на другие возможности» [1]. Тем более, что проблема понимания того, как происходит структурирование социальной (а значит и исторической) памяти, приобретает особую значимость для российского общества.

Представляется, что политико-семантическое наследие древнего Новгорода остается, по сути, одной из немногих смысловых единиц, по поводу которой пока еще сохраняется известный консенсус как политиков, так и научных сообществ, по крайней мере, в аспекте исходной символической точки отсчета для событийного ряда российской *политики*. Остальные в значительной степени утратили свою смысловую определенность в процессе символического и реального разрушения *мест политической памяти* за годы «перестроек». Проблема особенностей структурирования политической памяти, а значит и исторической — как важнейшего ее *спутника*, в изменившихся общественных реалиях приобретает в силу этого особую значимость.

Нельзя сказать, что тревожная рефлексия научного сообщества на этот счет отсутствует, но ее характер не свидетельствует, что интеллектуальная активность научных сообществ «любителей» и «хранителей новгородских древностей» в должной мере отвечает на подобные «вызовы современности». Изу-

чение исторического наследия России в нынешних политических реалиях действительно нуждается не только в умножении знаний, но и в ответе на вопрос: как мы «представляем», «понимаем», «оформляем» в «общественном мнении» это «наследие»?

Вполне уместным видится автору статьи тонкое замечание известного отечественного историка Л.П.Репиной, что если *историческая ностальгия* начинает доминировать в понятии «наследие», это ведет к изображению прошлого в качестве некоего «привлекательного символического убежища». Знания о прошлом в этом случае утрачивают эвристический потенциал и используются для обоснования «альтернативы настоящему», теряя свою жизненность и потенциал для его *понимания* [2]. Подобная ситуация вполне применима к современным российским реалиям. Традиционная для России стратегия «духовного просвещения нации» с позиций морально-ориентированных или «идеологически убежденных» интеллектуалов (интеллигенции) в условиях «исчезновения» «абсолютных» моральных ориентиров и «коллективно-значимой» (политической) целевой направленности незаметно для самих участников «духовного просвещения» может превращать их деятельность в технологический ресурс государственно-административного блокирования перспективных векторов эволюции исторического сознания нации. Тем самым вопросы о теоретико-методологических основаниях «концептуализации» исследования процесса «конструирования исторического прошлого» выходит далеко за рамки традиционного социально-философского или гуманитарного академизма, он прямо или косвенно затрагивает как «далеких» от «умозрительных проблем» практиков — археолога и этнолога, так и «ценностно-ориентированных» искусствоведа, филолога и публициста.

Представляется, что наращивание эффективности исследования и социальной значимости исторического наследия Великого Новгорода предполагает выход за рамки некоторых, весьма устойчивых для отечественных гуманитарных исследований, теоретико-методологических посылок, прослеживающихся на примере научных дискуссий о специфике социального строя и соответственно культурных форм, характерных для средневекового Новгорода.

Первая группа концептуальных посылок, нуждающихся в теоретико-методологическом переосмыслении, на наш взгляд, связана с *эпистемологией исследования культурно-исторических феноменов*. «Теоретические затруднения» подобного рода проявляются, в частности, в спорах об основаниях генезиса «вечевой культуры» («политической культуры» в политологической версии) древнего Новгорода. Можно согласиться с мнением авторитетных авторов, а с этим соглашаются как историки, так и многие представители теоретической социологии, что «своеобразное место» в истории средневековой Руси Новгороду принадлежит в связи с «особенностями новгородского политического строя», «вечевого строя» («народоправства»), который одновременно признается следствием действовавших «повсюду» на территории Руси «общеисторических закономерностей» [3]. В аспекте политической приро-

ды и значимости «новгородской культурной специфики» фиксируется известная эпистемологическая близость исследователей культурно-исторического наследия Новгорода, что, на наш взгляд, можно рассматривать как весьма конструктивный фактор в преодолении традиционных «дихотомий» «социальных структур» и «культуры», когда «культурная» специфика всецело связывается с религиозно-нравственной составляющей. Это вполне созвучно современным антропологическим посылкам, что именно политическая идентичность является ведущим звеном в оформлении особенностей и специфики культурной памяти: «не горячие культуры склонны к государственности, а государственно-организованные культуры склонны к культурной горячности» [4]. Без политической идентичности невозможна устойчивая «связь времен» как в социальных горизонтах мировидения, так и на индивидуальном уровне.

Дискуссии о степени «средневекового демократизма» и «республиканизма», уникальности или партикулярности новгородского вечевого строя по сравнению с аналогичными институтами в городах Древней Руси или Западной Европы продолжают почти полтора столетия и могли бы составить изрядное собрание сочинений [5]. Однако при знакомстве с содержанием этих дискуссий складывается впечатление, что акцентируемые принципиальные различия подходов в значительной степени обусловлены отнюдь не расхождениями в понимании значимости политико-культурного наследия древнего Новгорода для исторической памяти России. Эти различия носят скорее теоретико-методологическую природу, предопределяемую неразвитостью методологического инструментария интерпретации смысла «республиканизма», «демократии», «социально-политической справедливости», концептуализация которых в существенной мере предопределяет характер выводов. В основе теоретических споров нередко присутствует (скрыто или явно) специфический эпистемологический редукционизм, который ведет к подмене смысла политических практик «республиканизма» конкретно-историческим содержанием способов его реализации. Факт присутствия или отсутствия «сильной» княжеской власти, например, весьма спорный атрибутивный признак выявления республиканского начала. Выявить точки пересечения научных дискурсов о качестве «новгородского средневекового республиканизма» в этом случае весьма проблематично.

Показательно, что в последние годы наметилось сближение позиций участников дискуссии по вопросу сложного, многосоставного характера «вечевого строя» древнего Новгорода, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном разрушении теоретических стереотипов на этот счет под влиянием весьма динамичных процессов, происходящих в политическом сознании российского общества. Качество «средневекового республиканизма» вечевой культуры в современном научном контексте все чаще воспринимается не некой «фактической данностью», а предполагает изменчивую «геометрию» смысловых проекций, зависимую как от исторического генезиса социальной памяти участников прошлых социальных

взаимодействий, так и тех, кто его «наблюдал» (исследовал).

Другая эпистемологическая проблема исследований в предметной области «культурного наследия» Новгорода, нуждающаяся в «снятии», связана с признанием частью исследователей наличия неких «исторических необходимостей», выступающих своего рода «принудительной силой», содержащей программу социальной деятельности, представленной, в частности, в содержании «вечевого архетипа традиционной цивилизации». Историческая наука выводит казуальность из систематизации и описания «уникальных» явлений и частных поведенческих конструкции, зафиксированных в источнике или археологическом артефакте. Философия и отечественная культурология создает универсалистские схемы и системные модели «эволюции» российской власти и общества на основе иерархии социально-политических ценностей и принципов, лежащих в их основании. Это не может не порождать ложного «конфликта интерпретаций». Представляется, что выход из «методологической разобщенности» в политико-культурных исследованиях «исторического наследия древнего Новгорода», динамичное сопряжение разноплановых исследований «особенностей республиканской культуры» средневекового Новгорода в единое смысловое пространство и соответственно «обуздание» стихии концептуальных натяжек заключается в артикуляции природы этого разнообразия, обусловленного положением и ролью «наблюдателя» [6]. Обойтись при этом без современных социологических и политологических теорий промежуточного уровня, позволяющих артикулировать различные планы изучения и устранить эклектику, весьма трудно.

Принципиальным при этом является «учет фактора» «смысла» и «горизонтов времени». Обобщение, оформление смысловых ориентаций, прежде всего посредством временных проекций, рождает идентичности, которые «наполняют» *социальную память* (связующие, соединяющие структуры человеческих знаний). Социальная память при этом предстает в качестве исходного антропологического факта по отношению к многообразным формам организации коллективного знания, в частности к таким как историческое или политическое [7].

Исследователи исторических феноменов, делающие акцент на особенностях социально-политической идентичности жителей древнего Новгорода, неизбежно фокусируют свои наблюдения в проекции времени, те же, кто большее значение придает организационным и функциональным аспектам «социального строя» Новгородской республики, — в проекции пространства.

Концептуализация предмета «культурных исследований», тем самым, напрямую и преимущественно зависит от особенностей восприятия диапазонов времени исследователем и его способности учитывать их качественную специфику при осмыслении причинно-следственных закономерностей формирования «культурно-исторического наследия» [8].

Представляется, что несмотря на вариативность трактовок под современной *социальной памя-*

тью следует понимать выражение коллективного опыта, позволяющее обрести социальную идентичность (комплекс разделяемых сообществом представлений), посредством репродуктивной и реконструктивной интеллектуальной нацеленности на *прошлый* и возможный *будущий* опыт для эффективной совместной жизнедеятельности в настоящем. При этом она может иметь многообразные семантические и соответственно темпоральные проекции, в рамках которых можно выявить собственно историческую и политическую память. Знаково-символическим индикатором появления зрелых, «модернизационных» форм исторической памяти выступает осмысление опыта человеческого существования посредством апелляции к концепту «культура», а ведущим теоретическим инструментом конструирования такого рода памяти выступает историческая наука и многообразные науки «о культуре» и обществе. Исследование *культурного наследия (культурной памяти)* — изучение процесса «понимания» (обобщения смысловых ориентаций) как необходимого условия конституирования социальных идентичностей, содержание которых познается в темпоральной проекции «прошлое»/«будущее», а не божественной *вечности* *духовности*.

Подобная эпистемология предполагает и выбор методов, адекватных изучению «культурно-исторического наследия», становления и влияния смыслового содержания социальных идентичностей на направленность человеческой деятельности. Представляется, что такой инструмент логично искать прежде всего в области культурной семиотики, ориентированной на дискурсивный анализ форм идентичности посредством выявления символических схем культурных дискурсов. Расходясь в трактовке онтологических оснований культурных концептов, сторонники развития дискурс-анализа в целом солидаризируются по поводу того, что культурная концептуализация является способом репрезентации социальных идентичностей, компонентом социальной реальности и легитимации институциональной динамики, а концепты выступают «инструментами» и «блоками» политико-культурной идентичности в ней [9].

Таким образом, изучение «культурно-исторического наследия» отнюдь не столь очевидная задача, решаемая традиционным способ позитивистского наращивания «знания о фактах» или последовательного отстаивания ценностных установок, реализованных талантливыми учеными в XIX — первой половине XX вв. Стремление России вступить в *современность*, открытость к обновлению означает способность социальных институтов не только сохранять преемственность, но и готовность к перманентному обнаружению все новых возможностей для социальной эволюции. Социальное состояние подобного рода (состояние современности) предполагает развитие у граждан России качественно новых представлений о времени, основанных на постоянном различении *прошлого/будущего* и их динамичного *согла-сования*. В приобщении к этому процессу, по-видимому, следует усматривать источник бурного

развития проектов «новой истории» с их специфическими методологиями семантического анализа, а точнее — «новых историй», характерных для культурно-исторических исследований второй половины XX столетия.

Новое качество темпоральности социальной памяти предполагает появления новых горизонта ожиданий, историчности мышления, а в теоретическом плане историзма, а значит — разработки национального словаря и новых средств формирования «новой России». Устойчивая модернизация общества всегда зависит от качественных изменений в политической идентичности граждан, обнаружении *нового* смысла в базовых *событиях* политической истории, к числу коих справедливо можно отнести предтечу российских республиканских практик — вечевую культуру древнего Новгорода, где были обозначены, «проиграны» смысловые векторы будущей политической драмы российской *политики*. И от *эпистемологической инновационности* и гражданской ответственности гуманитария во многом зависит, станет ли культурно-историческое наследие Великого Новгорода «культурной матрицей» политической памяти современного российского общества или же мы вновь задержимся на этапе поиска «русской идеи», возвращающей к «перуновым палицам» на Волховском мосту, брошенным нам «на память»...

1. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. С.204. В трактовке природы «социокультурной эволюции» автор статьи руководствуется интеллектуальными интенциями Н.Лумана (см., напр.: Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.; Он же. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.; Он же. Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.). Концептуальный подход немецкого социолога можно рассматривать как своего рода обобщение эпистемологических принципов изучения социального процесса и его исторических аспектов, представленных в творчестве представителей современной теоретической социологии знания и *социального конструктивизма*.
2. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С.32-33.
3. См., напр.: Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С.7-8.
4. Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С.76. Теоретические основания подобного взгляда на политико-культурные феномены среди социологов и политологов можно отчетливо отыскать в работах Т.Парсонаса и Х.Арендт. В рамках их трактовки природы политики власть предстает как средство всеобщей связи (коммуникация). (См.: Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: Культура, личность и место социальных систем //Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С.468-472, 501; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С.265).
5. В последние десятилетия в исторической науке наряду с блестящими классическими работами академика В.Л.Янина появились монографические работы, где достаточно многообразно явлены проблемы интерпретации природы новгородской специфики (См., напр.: Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. 384 с.; Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII ст. СПб., 1992. 282 с.; Петров А.В. От язычества к святой Руси.

- Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. 353 с.).
6. Филиппов А.Ф. // Полис. 2005. № 2. С.6-25.
7. Ассман Я. Культурная память. С.50-62.
8. Дискуссии о диапазонах социального и исторического времени имеют достаточно долгую историю (См., напр.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.). Автор статьи разделяет методологические посылки тех социологов, которые выявляют три основных «масштаба темпоральности» (восприятия времени и соответственно деятельности), сложившихся в процессе социальной эволюции человечества (См., напр.: Луман Н. Эволюция. С.185-193; Ильин М.В. // Полис. 2005. № 3. С.5-20).
9. Gaus G.F. Political concepts and political theories. Boulder, 2000. P.46; Heywood A. Key concepts in politics. L., 2000. P.4-5; Pocock J.G.A. Politics, language and time: Essays on political thought and history. Chicago, 1989. P.38-39; Skinner Q. Visions of politics. Cambridge; N. Y., 2002. Vol. 1. P.186-187. Среди отечественных исследований исторической эволюции смысло содержания базовых политических концептов, определивших и выразивших специфику политической идентичности России, следует отметить монографию М.В.Ильина «Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий». М., 1997. 432 с.